

«МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ» ДЕМОКРАТОВ И РЕСПУБЛИКАНЦЕВ: СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ К РОССИИ

© 2011 г. **С.М. Самуйлов***
Институт США и Канады РАН, Москва

В статье рассматривается роль независимых исследовательских организаций – «мозговых центров», обслуживающих Демократическую и Республиканскую партии, в политической системе США и кардинальное отличие их подходов к современной России. Несмотря на сходные представления о политической сути России, подходы либеральных центров более прагматичны и приближены к современным международным реалиям, по сравнению с консервативными, ориентирующимися на республиканцев. Их подходы страдают, догматизмом, оторванностью от действительности. В заключение рекомендуется наладить научное сотрудничество с либеральными центрами с целью улучшения представлений о России.

Ключевые слова: «мозговые центры», политическая система, Демократическая партия, Республиканская партия, либеральные центры, администрация Обамы, исследовательские центры республиканцев, прагматизм, примитивизм, догматизм, консерваторы, либералы.

В США широко развита сеть «независимых и непартийных», бесприбыльных исследовательских организаций, которые финансируются преимущественно частным капиталом и благотворительными фондами. Составной частью деятельности многих из них является изучение различных направлений работы федерального правительства и выработка рекомендаций по её совершенствованию. Кроме того, они могут служить одним из источников кадрового пополнения находящейся у власти администрации.

Год от года эта сеть расширяется, её влияние постепенно растёт. В своей статье о «мозговых центрах» известный российский американист В.Б. Супян пишет о том, что к концу первого десятилетия XXI века в США насчитывалось 1,9 тысяч таких центров [1, с. 5].

Следует отметить, однако, что лишь единицы из них пользуются таким большим и заслуженным авторитетом, отличаются столь высоким уровнем экспертных оценок, что к их помощи может прибегать правительство США.

Вот это небольшое количество наиболее сильных и влиятельных независимых аналитических центров (например, Брукингский институт, Нью-йоркский совет по международным отношениям, Фонд «Наследие», Вашингтонский

---

* САМУЙЛОВ Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований внешнеполитического механизма США ИСКРАН. E-mail: fpcenter@rambler.ru

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 09-03-00789a/P «Эволюция образа России в представлении ведущих внешнеполитических институтов США».

центр стратегических и международных исследований) превратилось в неотъемлемый компонент американской политической системы.

Американцы называют эти организации либо *brain trust*, что буквально можно перевести как «мозговой трест». Либо – *think tank*, что можно перевести как «резервуар мысли». У нас в отношении этих организаций наиболее часто употребляется термин «мозговые центры».

«Мозговые центры» как часть политической системы

Одна из главных функций центров как компонентов политической системы заключается в том, что ряд политиков проигравшей очередные президентские выборы администрации и партии переходят в них для того, чтобы переждать, занимаясь исследовательской работой. Они ждут новой победы на президентских выборах кандидата своей партии в надежде, что их пригласят в новую администрацию. Желающих попасть на правительственную работу, обычно, заметно больше тех, кому это удаётся. Помимо «мозговых центров» экс-политики могут также уходить в частный бизнес, либо возвращаться к юридической практике.

Другими словами, несмотря на официально провозглашённую «непартийность», некоторые из таких исследовательских организаций идейно обслуживают и тесно связаны в кадровом отношении либо с Демократической, либо с Республиканской партией.

Между центрами, ориентированными на «свою» партию, особенно в период формирования новой администрации после очередных президентских выборов идёт в неявной форме конкурентная борьба за то, кого реально она предпочтёт. Как правило, Белый дом отбирает себе в организации-консультанты очень узкий круг проверенных и «своих» исследовательских центров. Обычно в сфере внешней политики их количество составляет два-три. В целом их число может достигать пяти-шести с учётом центров, специализирующихся на внутренних, экономических и других проблемах. Бывают и универсальные «мозговые центры», которые занимаются широким кругом проблем внешней и внутренней политики.

После начала деятельности новой администрации главная политическая функция небольшого количества этих отобранных центров заключается в выработке оптимальных рекомендаций, с точки зрения их руководства и сотрудников, по важнейшим проблемам внешней и внутренней политики США.

Представители финансовых спонсоров того или иного центра имеют, зачастую, свою структуру внутри него, основная функция которой сводится к наблюдению за тем, что их деньги расходуются не напрасно.

«Мозговые центры», как правило, имеют также советы попечителей и советы директоров. Первые занимаются поиском и назначением руководителя (президента) организации, который возглавляет всю её текущую исследовательскую работу. Совет попечителей, собираясь на свои заседания несколько раз в год, также одобряет стратегические направления её деятельности, утверждает кадровый состав, распределяет финансовые средства по различным направлениям деятельности.

В совет директоров обычно входят известные и влиятельные экс-политики, ранее занимавшие видные посты в федеральном правительстве. Главная

функция этого органа – повышать авторитет организации среди американских СМИ, общественности, правительственных органов, а также увеличивать привлекательность для новых финансовых спонсоров. Следует подчеркнуть, что одни и те же бывшие политики могут входить в совет директоров или совет попечителей сразу нескольких организаций.

Влиятельные и сильные «мозговые центры», с устойчивым финансированием и существующие, как минимум, несколько десятилетий, обычно размещаются в отдельном здании и имеют в своём составе до 200 исследователей – американцев, и представителей других государств, как постоянных сотрудников, так и приглашённых. Более развёрнуто и углублённо финансирование и организация деятельности «мозговых центров» проанализирована в упоминавшейся статье В.Б. Супяна.

Предложенная им классификация выделяет три типа этих центров: академические, контрактные и политически, идеологически и тематически ориентированные [1, с. 8–11]. К первой группе, прежде всего, следует отнести Нью-йоркский Совет по международным отношениям, идейно обслуживавший демократические и республиканские администрации в течение нескольких десятилетий и выпускающий авторитетный внешнеполитический журнал «Форин афферс».

К типичным контрактным, т.е. работающим по контракту на правительство США, точнее на конкретные федеральные министерства и ведомства, следует отнести корпорацию РЭНД, находящуюся в Калифорнии. В ней нередко «пережидают», занимаясь исследовательской работой, представители демократических администраций, ранее задействованные в сфере обеспечения национальной безопасности.

К типичным представителям третьей группы можно отнести Фонд «Наследие», обслуживающий республиканские администрации и «взлетевший» во времена президентства Р. Рейгана в 1980-е годы.

Следует подчеркнуть, что данная классификация весьма условна, поскольку часто конкретный исследовательский центр различными направлениями своей деятельности охватывает наибольшую часть или всю предложенную типологию. Так, наиболее влиятельный Брукингский институт в первую очередь следовало бы отнести к академическому типу. При этом он чётко ориентируется и работает главным образом на администрацию Демократической партии, включая и нынешнюю.

Необходимо также отметить, что все «мозговые центры» можно подразделить на «старые», мощные и влиятельные с устоявшимся кадровым составом, научными школами, финансированием, и новые. Последние зачастую создаются в преддверии очередной президентской избирательной кампании.

Исследования, проведённые недавно в США, выявили среди известных «старых» центров следующую иерархию в порядке убывания степени их влиятельности и авторитетности внутри страны и за рубежом.

Самым влиятельным считается вашингтонский Брукингский институт (*Brookings Institution*). Затем следуют: нью-йоркский Совет по международным отношениям (*Council on Foreign Relations*), Фонд Карнеги за международный мир (*Carnegie Endowment for International Peace*), калифорнийская кор-

порация РЭНД (*RAND Corporation*), вашингтонский Фонд «Наследие» (*Heritage Foundation*) [6].

Судьба новых центров в значительной мере неопределённая и зависит от многих факторов. В первую очередь, от успешной деятельности администрации того американского президента, на которого работает такой аналитический центр.

В новых центрах более молодой, меньший по численности состав экспертов, нет сложившихся традиций, могут быть проблемы с финансированием. Зато в них генерируется больше свежих, нетрадиционных идей и концепций. Здесь же может подрастать и новая, можно сказать, менее элитная часть поколения внешнеполитических экспертов.

В последние десятилетия наиболее успешным примером быстрого превращения небольшого независимого аналитического центра в мощную и влиятельную исследовательскую организацию является судьба Фонда «Наследие».

Фонд, основанный в 1977 г., начинал с девяти сотрудников и небольшой комнаты, которую они арендовали в здании Конгресса США. Однако уже в 1980–1981 гг. он стал широко известен, поскольку правоконсервативная республиканская администрация Рейгана взяла на вооружение многие рекомендации и предложения, разработанные его аналитиками. Значительный успех восьмилетнего президентства Рейгана как в сфере экономики, так и внешней политики, несомненно, содействовал укреплению позиций и росту авторитета этого фонда. Сегодня это мощный аналитический центр консервативной направленности, известный в США и в мире, с двумя сотнями сотрудников.

К категории новых относится и один из работающих на администрацию Обамы Центр за американский прогресс (*The Center for American Progress*). Он был создан в 2003 г. энергичным Дж. Подестой, который известен в Демократической партии как опытный специалист по кадрам, умеющий быстро подобрать нужного человека на конкретную должность. В администрации Клинтона он возглавлял президентский аппарат, а в конце 2008 – начале 2009 г. был во главе переходной команды Б. Обамы и быстро сформировал новую администрацию, но сам не вошёл в её состав. «Полутрек, полуитальянец» Подеста поставил перед собой смелую и амбициозную задачу – быстро превратить свой центр в интеллектуальный штаб прогрессистского движения (левый фланг американского либерализма), который обрёл бы такое же влияние и вес, какого Фонд «Наследие» добился в консервативной части политического спектра.

Данный обзор роли «мозговых центров» в американском внешнеполитическом процессе позволяет правильно сформулировать и лучше понять основную задачу настоящей статьи. Она заключается в выявлении отличий, если таковые найдутся, в представлениях и подходах к России «мозговых центров», которые работают на администрации Демократической партии, с одной стороны, и Республиканской – с другой.

Президентская избирательная кампания 2008 г. и процесс формирования администрации Обамы показали, что с ней наиболее тесно связаны во внешнеполитическом смысле либеральные Брукингский институт, недавно созданный Центр за новую американскую безопасность (*The Center for a New American Security*) и организация Подесты, т.е. центры, работающие на Демократическую партию.

В качестве «мозговых центров» республиканцев рассматриваются располагающиеся в Вашингтоне Фонд «Наследие» и Американский институт предпринимательства (*The American Enterprise Institute*).

Подходы к России «мозговых центров» демократов

Брукингский институт – это один из старейших и авторитетнейших независимых исследовательских центров США универсального типа. Он был создан в 1927 г. преуспевающим миллионером-филантропом и общественным деятелем Р. Брукингсом путём слияния двух, ранее учреждённых им организаций в единое целое.

С 2002 г. институт возглавляет Строб Тэлботт – известный в США специалист по СССР, России и СНГ, владеющий русским языком. Он занимал должность заместителя госсекретаря в демократической администрации Клинтона. Главная внешнеполитическая цель деятельности института сегодня заключается в выработке «новаторских практических рекомендаций» для содействия «возникновению более открытой, безопасной, процветающей и способной к сотрудничеству международной системы» [21].

В состав администрации Обамы в 2009 г. вошли высокопоставленные деятели, ранее работавшие в Брукинге: Дж. Стейнберг – он несколько лет под руководством Тэлботта был вице-президентом, отвечавшим за внешнеполитические исследования, назначен первым заместителем госсекретаря; Сьюзан Райс, работала в 2002–2005 гг. старшим научным сотрудником института, преимущественно занимаясь африканскими исследованиями, получила пост Постоянного представителя США при ООН; А. Даолдер – с 1998 по 2009 гг. старший научный сотрудник института, стал Послом США в НАТО.

Понятно, что через таких людей институт имеет возможность неформально влиять на внешнюю политику администрации в соответствии со своими приоритетами.

Что касается подходов Института Брукинса к России, то они отличаются взвешенностью и здравым смыслом. Сказываются не только определённые симпатии Тэлботта к СССР и России, но и опыт неудавшейся советско-американской политики разрядки 1970-х годов, а также и годы президентства администрации Дж. Буша-мл., когда произошло резкое ухудшение российско-американских отношений.

Широко распространённым в США среди демократов стало мнение, которое разделяют и эксперты Брукинса: Россия в период президентства В.В. Путина, опираясь на экономический подъём, вызванный преимущественно необычайным ростом мировых цен на нефть, начала проводить более жёсткую и решительную внешнюю политику. Её кульминационным моментом стала пятдневная война России с Грузией в августе 2008 года.

После этих событий в Брукингском институте возобладала вполне обоснованная точка зрения. Согласно ей, резкое ухудшение отношений с Россией при Буше настолько сузило сферу сотрудничества двух стран, что у республиканской администрации не осталось эффективных рычагов влияния на нашу страну. Проще говоря, России нечего было терять в сфере российско-американских отношений в свете её жесткой военной реакции на агрессию Грузии против Южной Осетии.

Вывод из такой ситуации вытекал вполне однозначный: необходимо вначале значительно расширить сферу сотрудничества с Россией и наладить его в тех областях, где интересы Вашингтона и Москвы совпадают. Другими словами, необходимо, по американской терминологии, возродить политику «вовлечения» (*engagement*). И только после этого можно переходить к обсуждению и урегулированию спорных проблем. Таковы были вполне здравые рекомендации института относительно России, предложенные администрацией Обамы при её формировании.

Именно Брукингский институт рекомендовал начать переговоры с Россией без всяких предварительных условий, что было большим достижением здравомыслящей части политической элиты США. Ранее все американские администрации требовали от СССР, позднее от России выполнения предварительных условий прежде, чем Вашингтон снизошёл бы до двусторонних переговоров.

Один из ведущих экспертов института по России Ст. Пайфер вполне адекватно оценил и намерения РФ в сентябре 2008 г. Во-первых, Россия хочет выработать «свою собственную политическую и экономическую модель» без критики со стороны Запада. Во-вторых, страна намерена иметь «сферу влияния» на постсоветской территории. В-третьих, Москва хочет, чтобы её мнение учитывалось при решении европейских или глобальных проблем. В-четвёртых, Россия не стремится к изоляции и желает улучшения отношений с Европой и Соединёнными Штатами, но на своих условиях [20].

Такие рассуждения полностью противоречили антироссийской истерии, которая охватила американские СМИ в августе–сентябре 2008 года.

Институт Брукинса и лично Тэлботт изначально активно поддержали переговоры и заключение между США и РФ нового договора СНВ-3. В 2010 г. Тэлботт, Пайфер, другие эксперты неоднократно выступали в его поддержку, убедительно опровергая аргументы республиканских экспертов, направленные против ратификации.

В то же время, необходимо подчеркнуть, что официальные заявления высокопоставленных деятелей администрации Обамы о том, что в России утвердился «авторитарный режим», разделяют и эксперты института. Разделяют они и точку зрения, согласно которой Россия «оккупировала» суверенную Грузию и должна вывести свои войска с «оккупированных территорий». Не удовлетворены они и состоянием демократии и соблюдением прав человека в России.

Однако, понимая, что США одним оказалось не под силу решать мировые проблемы XXI века и для этого необходимо сотрудничество с другими странами, включая Россию, Институт Брукинса не афиширует указанные разногласия и своё недовольство. На передний план выдвигаются сферы совпадения американских и российских интересов, а не их расхождения. Прагматизм и здравый смысл преобладают над внешнеполитическими стереотипами.

Центр за новую американскую безопасность был создан совсем недавно, в феврале 2007 г. Его основателями выступили д-р К. Кэмпбелл, бывший заместитель помощника министра обороны по делам стран Азии и Тихоокеанского бассейна в администрации Клинтона, и Мишель Флорной. Последняя была консультантом Вашингтонского центра стратегических и международных исследований, а до этого работала профессором – исследователем Института

национальной стратегии в Национальном университете обороны, который действует под эгидой Пентагона.

М. Флорной стала президентом нового «мозгового центра», а К. Кэмпбелл главным исполнительным директором. Новая исследовательская организация невелика: в ней всего 12 относительно молодых и малоизвестных гражданских экспертов и 6 военных [14].

Однако в Совет директоров, состоящий из 13 человек, входит немало известных экс-политиков от Демократической партии. Это – бывший госсекретарь Мадлен Олбрайт, бывший министр обороны У. Перри, бывший профессиональный дипломат, бывший заместитель госсекретаря по политическим делам (третье по иерархии должностное лицо и одновременно самый высокий пост, который может занять кадровый дипломат) Р. Армитедж, также бывший кадровый высокопоставленный дипломат и также бывший заместитель госсекретаря по политическим делам посол Н. Бернс и другие [7].

Официально провозглашённая цель деятельности нового центра состоит в разработке «сильной, прагматичной и принципиальной политики в сфере национальной безопасности и обороны, которая будет продвигать и защищать американские интересы и ценности».

Несмотря на свою малочисленность, новый «мозговой центр» в период избирательной кампании 2008 г. развил большую активность и стал заметен для американских ведущих СМИ. Флорной и Кэмпбелл вошли в состав переходной команды Обамы по формированию новой администрации и получили в ней высокие должности.

Флорной довольно быстро была назначена одним из заместителей министра обороны Р. Гейтса. Кэмпбелл через несколько месяцев после инаугурации Обамы, в июне 2009 г., получил дипломатическую должность помощника государственного секретаря. Он возглавил одно из важнейших географических управлений Госдепартамента – по делам стран Восточной Азии и бассейна Тихого океана [17].

Следующим президентом Центра за новую американскую безопасность стал бывший подполковник, д-р Дж. Нагл. Он одновременно является членом нескольких других «мозговых центров» и организаций, включая упоминавшийся Совет по международным отношениям, организацию «Ветераны зарубежных войн» и Международный институт стратегических исследований. Нагл в 1988 г. с отличием закончил Военную академию США, 20 лет прослужил в армии, считается в настоящее время одним из ведущих специалистов по ведению противопартизанской войны. Под его руководством и в соответствии с приоритетами администрации Обамы Центр разработал рекомендации по новой стратегии США в отношении Афганистана, ряд которых Белый дом принял на вооружение [11].

Дальнейшая судьба Центра в значительной мере будет зависеть от того, насколько успешной окажется внешняя политика демократической администрации Обамы.

Следует отметить, что сейчас эта исследовательская организация активно помогает Белому дому в разработке стратегии в отношении Афганистана, Пакистана, Ирака, Китая, Индии. Как известно, демократы провозгласили Афганистан и Пакистан «центральным фронтом борьбы с терроризмом» ещё в пе-

риод президентской избирательной кампании 2008 г. Политике в отношении России центр уделяет не слишком много внимания.

Главным специалистом по России этого «центра мысли» является Р. Каплан – в прошлом профессор по национальной безопасности Академии военно-морских сил США. Он также постоянный автор журнала «Атлантик мансли», и выпустил 12 книг, часть которых посвящена внешнеполитическим проблемам. Его мнение можно рассматривать и как позицию Центра, поскольку его публикации представлены на официальном сайте этой организации. В представлении Каплана Россия «эволюционировала к состоянию неонаристской олигархии», что не беспокоит её лидеров. Тем не менее, он поддерживает прагматизм политики США в отношении России, поскольку американцы нуждаются в сотрудничестве с ней для оказания давления на Иран, безопасных поставок военных грузов в Афганистан, возможно, геополитического уравнивания Китая [16]. Кроме того, Россия остаётся «великой евразийской державой» с большими возможностями влиять на Восточную Европу, Большой Ближний Восток, Центральную Азию и Дальний Восток.

В целом, можно согласиться с Капланом в том, что геополитические стереотипы времён «холодной войны» всё ещё играют существенную роль и в отношениях Запада и стран Восточной Европы к России, и в отношениях России к ним [16].

Центру за американский прогресс, благодаря активности его президента Подесты и его известности в Демократической партии, сразу же удалось сформировать свой годовой бюджет в 10 млн. долл. и принять на работу 75 сотрудников. Среди богатых либералов – финансовых спонсоров Подесты был и Дж. Сорос. В 2008 г. бюджет организации уже достиг 25 млн. долл., а число сотрудников – 150 [5]. Из них число экспертов приблизилось к ста [13].

Организация носит универсальный характер, т.е. занимается исследованием внутривнутриполитических и экономических проблем и внешней политики.

В официальных заявлениях Центра подчёркивается, что его работа основывается «на прогрессивных идеалах», которые отстаивали такие лидеры США, как президенты Теодор Рузвельт, Франклин Рузвельт, Джон Кеннеди, лидер негритянского движения за гражданские права Мартин Лютер Кинг.

Основным специалистом Центра по России является молодой политолог С. Чарап, относительно недавно стажировавшийся в МГИМО МИД РФ. Отличительная особенность подхода Чарапа к России, а, следовательно, и Центра за американский прогресс, заключается в том, что на фоне серьёзных разногласий в российско-американских отношениях при новой администрации он умеет находить заметные позитивные сдвиги.

Во время московского саммита Медведева – Обамы, состоявшегося в июле 2009 г., стороны выявили свои разногласия, но при этом «не впали в истерику», а спокойно начали двигаться к налаживанию сотрудничества в сферах совпадающих интересов.

Такой подход Чарап обоснованно считает кардинальным изменением в сравнении с политикой ушедшей республиканской администрации Дж. Буша-мл. В то время, по его мнению, обе стороны прибегали к «воинственной риторике», которая парализовала их возможности «работать вместе над разрешением наиболее важных проблем, с которыми сталкиваются обе страны и весь мир» [9].

Что касается негативного воздействия мирового финансово-экономического кризиса на Россию, молодой политолог не разделяет американских и российских пессимистических оценок. Несмотря на усиление роли государства в экономике, которое породил кризис, по его мнению, антикризисные меры правительства, особенно в банковской сфере, были «относительно успешными». Массовой национализации предприятий не произошло, были лишь единичные примеры, когда не было другого выхода. По мнению Чарапа, «Кремль не изменил фундаментальным образом экономическую структуру страны», и кризис не положил конец «рыночной экономике России» [10].

В апреле 2010 г., после подписания российско-американского Договора СНВ-3, Центр выпустил свой доклад по оценке «перезагрузки», подготовленный С. Чарапом. На презентации доклада присутствовал заместитель госсекретаря по политическим делам У. Бернс.

Прежде всего, в докладе обоснованно подчёркивалось, что, когда Б. Обама вступил в должность президента США, российско-американские отношения находились «в наиболее низкой точке своего развития со времён окончания «холодной войны». Несколько месяцев ранее, когда «российские военные подразделения вторглись в Грузию», президенту Дж. Бушу-мл. его советниками было предложено, в частности, рассмотреть возможность нанесения военных ударов по ним. Такой шаг мог бы иметь «катастрофические последствия» [8].

Политика «вовлечения» России, проводимая администрацией Обамы, принесла «очевидные дивиденды». Само заключение нового Договора по сокращению стратегических наступательных вооружений «демонстрирует замечательное улучшение в российско-американских отношениях». В других сферах также отмечены «значительные достижения, включая сотрудничество в стабилизации Афганистана, совместные попытки урегулировать проблему ядерной программы Ирана, создание инфраструктуры взаимоотношений в виде двусторонней Президентской комиссии».

Несмотря на определённые просчёты, полагает Чарап, «конструктивные содержательные двусторонние отношения, существующие сегодня, демонстрируют кардинальное изменение в их состоянии в сравнении с тем временем, когда Обама вступил в должность». По его мнению, несмотря на частые утверждения американской прессы об обратном, «это улучшение не произошло за счёт пренебрежения другими политическими целями». Не было никакой «грандиозной сделки» (*grand bargains*) между Москвой и Вашингтоном в виде составной части «перезагрузки».

Чарап призвал внешнеполитическую команду Обамы осуществить в отношении России новые шаги. В частности, в сфере контроля над ядерными вооружениями начать переговоры с Москвой по их дальнейшему значительному сокращению.

По поводу отношений с Грузией, по его мнению, Белый дом должен разработать «план действий» с целью побудить Россию к выполнению условий соглашения августа 2008 г по прекращению огня (соглашение Саркози – Медведева), которые Москва нарушает.

Так как намерения по дальнейшему «продвижению демократии» в России пока остаются в большей мере концепцией, чем реальной политикой, необхо-

димо «полностью претворить в жизнь новый подход к демократии и правам человека».

Что касается оживления экономических связей, Чарап полагает, что создание Таможенного союза России с Белоруссией и Казахстаном отодвигает перспективу вступления России в ВТО на неопределённое время.

«Перезагрузка» неверно была понята как американскими СМИ, так и союзниками и друзьями США. По этой причине администрация должна объяснить, что «перезагрузка» не означает проведение политики «Россия – прежде всего».

С самого начала существовали «нереалистичные ожидания» в отношении «перезагрузки» с обеих сторон. В силу этого американская политика в отношении России «должна определяться более трезвыми оценками того, что может или не может быть достигнуто в двусторонних взаимоотношениях, а также чётким пониманием того, что взаимодействие с современным Кремлём не будет лёгким делом».

Кроме того, по мнению Чарапа, подозрения России в отношении мотивов США исчезнут не скоро. В результате, полученные сторонами за год выгоды от «перезагрузки» незначительны и легко могут быть утрачены. Администрация Обамы не должна менять политический курс, нацеленный на преодоление недоверия Кремля, но должна понимать, что для этого потребуется много времени по «осуществлению скоординированной, последовательной миссии» [8].

В то же время, молодой политолог считает, что достижение «стратегического партнёрства с современным правительством России... в высшей степени невероятно». Отношения между двумя странами останутся «смесью конкуренции и сотрудничества, и Россия временами может становиться источником разочарований для Соединённых Штатов в достижении внешнеполитических целей». Показательно то, что в данном рассуждении США рассматриваются стороной, которая заведомо права. Вопрос о том, что и Вашингтон может делать ошибки в своей политике в отношении Москвы, вообще не поднимается.

Из рассмотренных рекомендаций видно, что официальная позиция Центра за американский прогресс, обоснованная Чарапом, в отношении Грузии заключается в том, что Россия «вторглась» на её территорию, а выполнение соглашения 2008 г. подразумевает вывод российских войск с территории Южной Осетии и Абхазии, т.е. отказ России от признания этих республик в качестве суверенных государств, ликвидацию военных баз и вывод войск. Требование, как представляется, заведомо неприемлемое и нереальное.

Подходы к России «мозговых центров» республиканцев

Фонд «Наследие», выступающий главным «мозговым центром» Республиканской партии, не извлёк никаких уроков из, по сути, провальной внешней политики администрации Дж. Буша-мл. и «неоконсерваторов». Буш, как известно, начал с уровня поддержки американцами в 80% осенью 2001 г., когда США вторглись в Афганистан, а закончил своё президентство на уровне 20%.

После ознакомления с материалами фонда, имеющими отношение к России, создаётся впечатление, что вернулись времена Р. Рейгана, времена пика «холодной войны». По-прежнему Россия – «враг», по-прежнему наша страна

воспринимается исключительно в чёрном цвете, по-прежнему виден всё тот же примитивный крайне идеологизированный подход и всё та же плохо скрываемая русофобия.

Методологический подход экспертов фонда к России крайне прост. В их сознании априори имеется неадекватная чёрно-белая схема – всё, что ни делают США (точнее, республиканские администрации) на международной арене, замечательно, прекрасно, приносит только благо человечеству и не подлежит никакой критике. А всё, что делает Россия – это «плохо», «неправильно» и является продолжением имперской антиамериканской политики царизма и Советского Союза. «Аргументы» экспертов формируются следующим образом. Из колоссального многообразия внутрироссийской жизни и российской внешней политики выхватываются отдельные факты и подгоняются под чёрно-белую схему. Гораздо более многочисленные, в сравнении с этими фактами, обстоятельства, противоречащие этой схеме, игнорируются и замалчиваются.

Такая идеологическая ригидность и примитивность, естественно, породили резкую оппозицию фонда Договору СНВ-3. В конце июля 2010 г., т.е. когда близились к завершению ратификационные слушания в сенатском Комитете по международным отношениям, фонд опубликовал своеобразный манифест. Он был красноречиво озаглавлен «Десять соображений, по которым нельзя доверять России», и содержал, соответственно, десять обвинений в её адрес. Хотелось бы привести некоторые из них.

По мнению Фонда «Наследие», Россия до сих пор рассматривает Запад и НАТО как своего главного врага и развёртывает свои обычные вооружения для проведения масштабных операций против них [23].

Заявление является откровенной ложью, поскольку Россия ратифицировала и стала выполнять Договор об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ), который был подписан ещё в 1990 г., во времена существования СССР. Со своей стороны, некоторые страны НАТО не присоединились к нему вообще, другие не ратифицировали его. В итоге Россия в одностороннем порядке стала выполнять его условия, а НАТО в целом – нет, и альянс обрёл превосходство в разы в обычных вооружениях над нашей страной. Стоит также напомнить, что наибольшая часть советских танков при согласии М.С. Горбачёва и возглавляемого им Политбюро была отведена за Урал и продолжает ржаветь там.

В манифесте содержатся обвинения в том, что РФ поставляет ракетные технологии Ирану и Северной Корее, не уважает государственный суверенитет Грузии, использует поставки своего газа в качестве инструмента давления на соседние государства (Украину), что при Медведеве и Путине политический режим в России становится «всё более авторитарным» [23].

То обстоятельство, что Грузия первой напала на Южную Осетию и начала там массовое истребление мирного населения, а военные меры России были лишь ответом, попросту игнорируется. Замалчивается и то, что перекрытие поставок газа через территорию Украины было ответом РФ на «отбор» первой российского газа.

Представления насчёт «авторитарности» сегодня свойственны всей политической элите США, включая и администрацию Обамы. Здесь, можно сказать, существует двухпартийный консенсус.

Позиция фонда заключалась в том, что ратификация СНВ-3 Сенатом «не имеет смысла».

Особой непримиримостью к России отличается активный и плодовитый старший научный сотрудник фонда А. Коэн. Он пишет много статей по российской тематике, в одной из них утверждается, что руководство РФ сознательно разжигает антиамериканизм среди собственного населения, а также стремится распространить его за рубеж. Утверждается, в частности, что со времён Сталина и Хрущёва «советский и российский антиамериканизм стал частью российского национального сознания», что «Россия намеренно распространяет эту ядовитую пропаганду в соседние государства через свои СМИ, брифинги и конференции», что «этот антиамериканизм скрепляет и поддерживает де-факто российскую антиамериканскую коалицию, включающую и такие страны, как Иран и Венесуэла» [12].

В данных рассуждениях нетрудно разглядеть не соответствующую действительности схему: антиамериканизм в соседних с Россией странах, Иране и Венесуэле – это не результат ошибок и просчётов США в отношении этих государств, а происки Российской Федерации.

Вице-президент Фонда «Наследие» К. Холмс, возглавляющий исследования в сферах внешней политики и обороны и при Дж. Буше-мл. работавший одним из помощников госсекретаря, пишет, что не Вашингтон, а российское руководство продолжает мыслить категориями «холодной войны». Политика Москвы, полагает он, во многом, коренится в старых российских идеях необходимости наличия империи и сфер влияния. Сегодня российские лидеры стремятся восстановить статус своей страны как великой державы.

В подтверждение «неправильности» стремления России вернуть себе статус «великой державы» Холмс приводит отрицательное отношение Москвы к расширению НАТО и стремление сохранить соседние государства в сфере своего влияния. Чаще всего, по его мнению, рассуждения русских о том, что они являются жертвой НАТО, маскируют их реальную агрессивность в отношении соседей. Каких-либо реальных фактов, подтверждающих «агрессивность», не приводится.

Холмс против ратификации Договора СНВ-3, поскольку это повысит статус России в мире как ядерной державы, ещё более укрепит в ней мышление в духе «холодной войны» [15].

Обобщённо позиция Холмса, да и всего Фонда «Наследие» сводится к тому, что Россия вообще не имеет права во внешней политике заботиться о своей безопасности, в частности, стремиться к тому, чтобы вокруг неё находились дружественные или хотя бы нейтральные государства. В их представлении это будет «восстановление империи и сфер влияния». Налицо явно дискриминационный подход.

Напрочь Холмсом и фондом также отбрасывается и очень здравая позиция администрации Обамы и всей Демократической партии в отношении ядерного оружия. Демократы убедительно считают, что чем меньше ядерного оружия будет на Земле, тем меньше шансов на то, что оно сможет попасть в руки террористов и исламских экстремистов, тем, следовательно, надёжнее будет обеспечена безопасность США. В этом демократы, в первую очередь, и видят смысл заключения Договора СНВ-3.

Получается, что у жёстко консервативного и идеологизированного Фонда «Наследие», мягко говоря, неприязнь к России явно перевешивает соображения здравого смысла и укрепления безопасности собственной страны.

Коротко говоря, главный «мозговой центр» республиканцев продолжает видеть в России, по меньшей мере, геополитического противника и своими исследованиями преднамеренно, порой с использованием явной лжи, стремится сохранить у американцев «образ врага» в отношении России.

Консервативный *Американский институт предпринимательства*, созданный в 1943 г. с целью выработки идеологической альтернативы в духе «свободного предпринимательства» «Новому курсу» Ф. Рузвельта и резко усилившейся роли государства в экономике, в целом отличается более взвешенным подходом к России.

Официально деятельность учёных института направлена на «расширение свободы, индивидуальных возможностей и усиление свободного предпринимательства». Сферы исследований охватывают экономическую политику, внешнюю и военную политику, здравоохранение, правовые и конституционные проблемы, изучение общественного мнения, а также социальные и культурные области. Другими словами, внешнеполитические исследования – это не слишком значительный сегмент в деятельности института.

Институт официально стремится к «совершенствованию общества и правительства с целью содействия становлению более процветающих, более безопасных и более демократичных нации и мира» [2].

В целом на этот «мозговой центр» работают более 170 исследователей, однако на постоянной основе трудятся 56 экспертов. Из них изучением внешней и военной политики занимаются 16 человек [22].

Среди известных консервативных республиканцев, ставших экспертами института, следует назвать Н. Гингрича – бывшего в 1990-е годы спикером Палаты представителей Конгресса; Дж. Болтона – бывшего в период президентства Дж. Буша-мл. одним из заместителей государственного секретаря, а затем постоянным представителем США при ООН; П. Вулфовица – «неоконсерватора» и бывшего заместителя министра обороны в администрации Дж. Буша-мл.

Изучением политики в отношении Европы и России на постоянной основе занимаются всего три исследователя – Л. Арон, Р. Перл и Г. Шмидт.

Направление по исследованию России возглавляет Л. Арон, родившийся в Москве, окончивший педагогический институт, в 1978 г. эмигрировавший в США из СССР, в конечном счёте получивший докторскую степень по социологии в Колумбийском университете. Арон пишет эссе и выпускает ежеквартальное издание института «Рашн аутлук», в котором анализирует современные российские экономические, социальные и политические проблемы. Кроме того, он постоянно публикует свои статьи по российской тематике в американской прессе, часто выступает с комментариями в американских электронных СМИ [4].

Р. Перл, как известно, в годы «холодной войны» был внешнеполитическим «ястребом». В администрации Рейгана в 1980-е годы входил в руководство Министерства обороны, руководил политикой в сфере международной безопасности, всячески препятствовал заключению какого-либо соглашения между

США и СССР в области контроля над ядерными вооружениями. До этого, в 1970-е годы был ведущим внешнеполитическим консультантом сенатора-демократа Г. Джексона, который совместно с правыми республиканцами стал одним из главных разрушителей политики советско-американской разрядки того периода. После прихода к власти республиканской администрации Дж. Буша-мл. причислил себя к «добровольным неоконсерваторам», по-видимому, в надежде, что возьмут в её состав. Но не взяли. Перл активно поддержал вторжение США в Ирак в 2003 г., когда же стала очевидной неудача оккупации, выступил с критикой Буша и его внешнеполитической команды.

Г. Шмидт руководил в период второго срока президентства Р. Рейгана консультативным советом по разведке, позднее работал директором по кадрам сенатского Комитета по разведке. Специализируется на изучении проблем разведывательной деятельности и стратегических вопросов.

Летний выпуск за 2010 г. «Рашн аутлук» содержит аналитическое эссе Л. Арона о перспективах «модернизации» в России, провозглашённой Д.А. Медведевым. Автор сразу же пишет о том, что и при Медведеве Россия остаётся «авторитарной страной». В подтверждение приводятся, в частности, следующие аргументы. Демократическая оппозиция отстранена от политики, выборы подвергаются манипуляциям и их результаты фальсифицируются, полиция грубо разгоняет мирных демонстрантов, национальное телевидение и наибольшая часть прессы подвергается цензуре либо самоцензуре, чиновники сверху донизу занимаются вымогательством по отношению к бизнесу и т.п. [3, р. 1].

Автор использует такую аналитическую схему. Начавшиеся экономические трудности, уменьшение ВВП, возвращение к дефицитному госбюджету и другие факторы, вызванные ими массовые протесты весной 2010 г., подтолкнули российское руководство к отходу от «путинизма» и к «оттепели» как во внешней, так и во внутренней политике. Приводятся конкретные меры и шаги, свидетельствующие, в частности, об улучшении российско-американских отношений.

При этом, почему-то Арон предпочитает умалчивать о «перезагрузке», о том, что администрация Обамы по собственной инициативе начала первой делать шаги навстречу России, пошла на определённые уступки, чтобы «разморозить» отношения.

Среди внешнеполитических мер автору особенно нравится провозглашённый Д.А. Медведевым «модернизационный альянс» с Западом, в первую очередь с ЕС и США. Он рассматривает такой шаг как «резкий отход от путинизма» [3, р. 3].

Арон вполне объективно показывает, что государственное чиновничество сегодня всячески подавляет деловых людей, приводит такую цифру – одна четвёртая часть всех заключённых в России из общего числа приблизительно в 900 тыс. человек, либо бизнесмены, либо люди из сферы бизнеса [3, р. 4].

Затем в эссе перечисляются предварительные условия (опять предварительные!), которые должен выполнить Медведев, чтобы его «модернизация» получила широкую поддержку Запада. Во внешнеполитической сфере главное внимание уделяется Грузии. По Арону, Россия «оккупировала» Грузию, поэтому должна нормализовать отношения с ней; снизить напряжённость в отношениях между Абхазией и Южной Осетией, с одной стороны, и Грузией – с

другой; начать вывод своих войск; начать переговоры с Тбилиси о снижении напряжённости на Чёрном море.

Автор повторяет излюбленный тезис американцев – без демократизации никакой экономической модернизации не произойдёт. Он пишет: «Как показывают вновь и вновь последние 30 лет, истинная продолжительная модернизация в России невозможна без демократизации и политической и экономической децентрализации» [3, р. 7].

Завершает свой аналитический материал Арон также нереальным, утопическим призывом. Он предлагает Медведеву «порвать с путинизмом», опереться на бизнес и протестные силы, которые проявили себя в 2010 г., что откроет путь для истинной модернизации России.

В целом Л. Арон, в отличие от экспертов Фонда «Наследие» является не идеологом, а, прежде всего, аналитиком, исследователем, который в рамках консервативной американской внешнеполитической традиции стремится быть объективным.

Совсем другое дело Р. Перл. Всё, что выше говорилось об идеологической ригидности, примитивности, наличии русофобии у экспертов Фонда «Наследие», всё это свойственно и ему. По-видимому, из-за такой жёсткой непримиримости по отношению к России, которая у него затмевает реально существующие опасности со стороны международного терроризма, он и не попал в администрацию Дж. Буша-мл.

Для Перла нынешняя Россия точно такой же «враг», что и коммунистический Советский Союз. В статье, посвящённой внешней политике Б. Обамы, он жёстко критикует его за неопытность, наивность, за то, что он не понимает, что он делает. При этом, так же, как и у специалистов из Фонда «Наследие», неприязнь к России (а также к Ирану и Венесуэле) настолько велика, что он забывает про международный терроризм и возможность овладения ядерным оружием террористами. Как будто не было унижительных для США террористических атак 11 сентября 2001 г., не бывает ежегодных процедур поминовения в США, не проводилось расследований Конгресса по этому поводу. Как будто политика Обамы является его личной, а не детищем большого числа экспертов и деятелей Демократической партии.

Политику «вовлечения» Б. Обамы, включая Россию, он сравнивает с положением просителя, считает, что в отношении врагов это можно делать только с позиции силы. При этом с обожанием вспоминает президентство Р. Рейгана, который действовал таким образом в отношении Советского Союза [19].

Заключение российско-американского Договора СНВ-3 в совокупности с другими мерами администрации Обамы Перл счёл «опасным, близоруким» курсом [18]. Естественно, он выступал против ратификации договора. Таковой следует считать и позицию всего института по данному вопросу.

* * *

На основе рассмотренных данных можно сделать некоторые выводы и обобщения.

В первую очередь следует подчеркнуть, что представления о политической сущности современной России «мозговых центров» как либеральных, ориентирующихся на Демократическую партию, так и консервативных, связанных с Республиканской партией, очень близки, если не идентичны.

И те и другие полагают, что в России при В.В. Путине или сложился «авторитарный режим», или продолжается движение и при Д.А. Медведеве к «всё большему авторитаризму».

Во внешней политике это проявляется в виде возросшей «агрессивности» по отношению к соседним государствам – бывшим союзным республикам, пиком чего стала пятидневная война с Грузией в августе 2008 г. И либералы, и консерваторы полагают, что Россия «оккупировала» Грузию путём введения своих войск в Южную Осетию и Абхазию, должна «освободить захваченные территории» и восстановить статус-кво. При этом Грузия однозначно изображается «жертвой», а Россия «агрессором».

Главным критерием «авторитарности» в понимании и тех, и других «мозговых центров» выступает то обстоятельство, что наше государство всё менее становится похожим на американскую модель демократии, всё в большей мере проводит самостоятельную политику на международной арене.

В таком восприятии и тех, и других просматриваются две фундаментальные особенности американского внешнеполитического сознания – во-первых, отсутствие историзма из-за отсутствия продолжительной собственной истории. Во-вторых, неизбывная, сродни религиозной, вера в универсализм, общечеловеческую пригодность своей модели демократии и экономики. Фундаментальный вопрос: «Возможно ли в России в настоящее время после многих столетий рабства и нищеты, включая советский период, создание современной развитой демократии?» – и либералами и консерваторами вообще не ставится. Считается, что возможно.

Как следствие, игнорирование объективных факторов – отсутствие развитой демократической политической культуры у российского общества и наличие традиционной патриархальной, отсутствие многочисленного самостоятельного среднего класса, ориентация на патернализм и поддержку извне большинства населения – приводит к абсолютизации, явному преувеличению роли личностей руководителей государства. Другими словами, отсутствие развитой демократии в России объясняется, в первую очередь, не объективными историческими и политико-культурными причинами, а нежеланием руководителей, главным образом В.В. Путина, «ввести демократию». Отсюда появляются термины, вроде «путинизма».

Лишь Брукингский институт в лице своего эксперта Ст. Пайфера допускает, что Россия может искать и создавать свою модель демократии и экономики, иметь сферы влияния в ближнем зарубежье. Но это исключение из правил. Известно, что представители нынешней демократической администрации Обамы также заявляют, что в России сложился «авторитарный режим», а её сферы влияния заканчиваются на её границах.

Во-вторых, несмотря на почти одинаковое восприятие либеральными и консервативными «мозговыми центрами» политической сути современной России, наблюдается кардинальное отличие в их подходах к нашей стране. Либеральные аналитические центры, связанные с демократами, после внешнеполитических провалов республиканской администрации Дж. Буша-мл. извлекли серьёзные уроки, в полной мере осознали неспособность США создать общемировую империю под своим руководством (*Pax Americana*) и в одиночку решать общемировые проблемы XXI века.

Именно с их подачи администрация Обамы и Демократическая партия пришли к официально провозглашённому выводу: «Америка не может в одиночку справиться с проблемами нового XXI века, но и мир не может справиться с ними без Америки».

Отсюда следует, что Россию необходимо вовлечь во взаимодействие и сотрудничество с США без всяких предварительных условий для, как выразился Р. Каплан из Центра за новую американскую безопасность, оказания давления на Иран, безопасных поставок военных грузов в Афганистан, возможно, геополитического уравнивания Китая, а также, поскольку Россия остаётся «великой евразийской державой», для решения проблем в Восточной Европе, на Большом Ближнем Востоке, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

Кроме того, демократы ещё в период избирательной кампании 2008 г. с подачи, в первую очередь, Брукингского института озвучили свой подход к сокращению стратегических ядерных вооружений – чем меньше их будет на Земле, тем меньше шансов, что они попадут в руки террористов, тем лучше и надёжнее будет обеспечена безопасность США. В этом они видят главный смысл заключения нового Договора СНВ-3.

Россия для «мозговых центров» демократов, а также администрации Обамы и Демократической партии, перестала быть «врагом», но не стала и союзником, «стратегическим партнёром». Как верно выразился С. Чарап из Центра американской политики, в обозримой перспективе отношения двух стран останутся «смесью соперничества и сотрудничества».

Подходы «мозговых центров» республиканцев, в первую очередь Фонда «Наследие», отличаются тем, что никаких серьёзных уроков из провалов внешней политики Дж. Буша-мл. и его «неоконсерваторов» они не извлекли. Россия, по-прежнему, воспринимается главным «врагом», с которым необходимо строить взаимоотношения только с позиции силы. А США по-прежнему, в их представлении, сильны и способны «править миром».

Уроки Афганистана и Ирака, где с использованием вооружённых сил по западным стандартам были созданы все необходимые демократические институты, а установления «стабильной демократии» не произошло, консерваторов ничему не научили.

Политику «перезагрузки» они расценивают как проявление слабости со стороны США, чуть ли не как «умиротворение» «агрессора» в лице России.

Мягко говоря, неприязнь к России в совокупности с идеологическим догматизмом у правых консерваторов настолько сильна, что затмевает современные реальные угрозы США, исходящие от международного терроризма и исламских радикалов, приводит к их игнорированию. Они по-прежнему привязаны к примитивной, чёрно-белой картине мира в духе «холодной войны», по-прежнему Россия для них априори воплощение мирового «зла», которому необходимо всячески противодействовать.

В итоге в настоящее время у республиканских «мозговых центров», а, следовательно, и у Республиканской партии нет никаких продуманных, стратегических альтернатив политике «перезагрузки» администрации Обамы. Воззрения республиканцев страдают значительной оторванностью от реалий международной жизни.

Таким образом, подход к России либеральных «мозговых центров», администрации Обамы и Демократической партии, по современным американским меркам, отличается смелостью, гораздо более прагматичен и приближен к международной действительности в сравнении с республиканцами.

России, со своей стороны, следует оценить это по достоинству и внешнеполитическими шагами содействовать укреплению позиций этой администрации внутри США.

В-третьих, коль скоро на период нахождения у власти конкретной американской администрации обслуживающие её независимые аналитические организации превращаются в неформальный компонент её внешнеполитического механизма, российской стороне необходимо налаживать сотрудничество с такими «мозговыми центрами».

В настоящее время речь может идти о Брукингском институте, Центре американской политики и Центре за новую американскую безопасность.

Основная цель такого сотрудничества должна заключаться в интеллектуальном и научном воздействии со стороны российских политологов на эти центры для улучшения их представлений о России. Они, в свою очередь, будут эти улучшенные представления доводить до сведения как представителей исполнительной власти, так и законодателей. Сотрудничество должно развиваться в рамках научных дискуссий, обменов, организации «круглых столов».

Такой косвенный канал воздействия на американскую политическую элиту может оказаться эффективнее прямого общения российских лидеров с видными представителями западных СМИ в плане улучшения имиджа России на Западе. Эксперты независимых «мозговых центров» гораздо более свободны в идеологическом плане по отношению к финансовым спонсорам своих центров, чем журналисты по отношению к собственникам и главным редакторам своих газет и журналов.

Но следует помнить, что возможное российское интеллектуальное и научное воздействие на американцев с целью улучшения их представлений о России имеет свои ограничительные пределы. Их национальный менталитет так устроен, что для постоянного восприятия своей страны в качестве воплощения «вселенского добра» необходимо всё время изыскивать у других народов и государств всякого рода изъяны как реальные, так и надуманные. По этой причине, сколько бы Россия не демократизировалась, американцы постоянно будут находить «изъяны и недостатки» в её демократии. Это присуще и либералам, и консерваторам.

Список литературы

1. *Суплян В.Б.* «Мозговые центры» США: их роль и эволюция как независимых исследовательских организаций // США❖ Канада: экономика – политика – культура. 2010. № 1.
2. AEI's Organization and Purpose. 19.09.2010 (<http://www.aei.org/>).
3. *Aron L. Dmitri Medvedev's Modernization Thaw: Objectives, Actions, and Policy Tests* // Russian Outlook. Summer 2010. P. 1.
4. Aron Leon – Resident Scholar and Director of Russian Studies // Scholars and Fellows. 28.08.2010 (<http://www.aei.org/>).

5. *Babington Ch.* Progressive Think Tank Offers New Plan for America. 30.10.2008 (<http://seattletimes.nwsourse.com/>).
6. *Bennet L.* Think Tanks Supply Obama Nominees. 8.07.2009 (<http://news.muckety.com/>).
7. Board of Directors, 2009 (<http://www.cnas.org/>).
8. *Charap S.* Assessing the «Reset» and Next Steps for U.S. Russia Policy. 14.04.2010 (<http://www.americanprogress.org/>).
9. *Charap S.* No Grand U.S.-Russia Bargain. 17.07.2009 (<http://www.americanprogress.org/>).
10. *Charap S.* No Obituaries yet for Capitalism in Russia. 29.09.2009 (<http://www.americanprogress.org/>).
11. CNAS President Dr. John Nagl Testifies before SFRC on Afghanistan. 16.09.2009 (<http://www.cnas.org/>).
12. *Cohen A., Dale H.* Russian Anti-Americanism: A Priority Target for U.S. Public Diplomacy. 24.02.2010 (<http://www.heritage.org/>).
13. Experts by Name, 2009 (<http://www.americanprogress.org/>).
14. Experts, Military Fellows. 2009 (<http://www.cnas.org/>).
15. *Holmes K.* If Russia Looked in Mirror, It'd See a Cold War Thinker. 23.06.2010 (<http://www.heritage.org/>).
16. *Kaplan R.* The Bear Still Has Teeth. 28.09.2009 (<http://www.cnas.org/>).
17. *Kurt M.* Campbell. Biography. 2009 (<http://www.state.gov/>).
18. *Perle R.* A Dangerous, Short-Sighted Policy. 13.04.2010 (<http://www.aei.org/>).
19. *Perle R.* The Open Hand, Slapped. 1.02.2010 (<http://www.aei.org/>).
20. *Pifer St.* What Does Russia Want? How Do We Respond? 11.09.2008 (<http://www.brookings.edu/>).
21. Quality. Independence. Impact. 29.08.2009 (<http://www.brookings.edu/>).
22. Scholars and Fellows. 28.08.2010 (<http://www.aei.org/>).
23. Top 10 Reasons Not to Trust Russia. 29.07.2010 (<http://www.heritage.org/>).